

§4 НАСЛЕДИЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Нухрикян Е. С.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА КАРАЧАЯ И БАЛ-КАРИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1860-Е ГГ.—НАЧАЛО XX В.)

Аннотация. Предметом исследования является нормативно-правовые акты Российской империи и нормы обычного права карачаевцев и балкарцев, составлявшие основу, регулирующую имущественные отношения, связанные с общественной собственностью, которая включала общенародное и сельское (аульное), в горских обществах Карачая и Балкарии в пореформенный период. Исследуются отношения в сфере оборота земель и изменения в регулировании доброты земель произошедшие в ходе реформ 1860–1870-х гг. в горских регионах Северного Кавказа. Внимание уделяется вопросу собственности на землю сельских общин, которые впервые получили от государства право субъекта имущественных отношений в конце XIX века. Именно в этот период традиции обычного права (адата) были заменены правовым инструментарием регуляции в виде нормативных документов. Методологической основой исследования стал диалектико-материалистический анализ деятельности исторических событий и фактов, который позволил рассмотреть процесс институционализации сельских общин в горских обществах Северного Кавказа в ходе либеральных реформ 1860–1870-х гг. Автор отмечает, что определенная часть норм адатов была включена в государственное правовое пространство, а вводимые нормативные инновации, имели позитивный результат. Земельно-правовые реформы, осуществлявшиеся правительством в горской среде Северного Кавказа, носили эволюционный характер, что позволяло избегать социальных потрясений и обеспечивать стабильность «мусульманских окраин» империи.

Ключевые слова: сельское (аульное) общество, пастбища, леса, недра, аренда, обычное право, переделы, пользование, собственность, имущество.

Review. The topic of the study are regulatory legal acts of the Russian Empire and the norms of common law in Karachay and Balkaria that comprised the basis that regulated property relations connected with the public assets, including those all-national and rural (aul), in mountain societies of Karachay and Balkaria in the post-reform period. The article investigates the relations in the field of land commerce and changes in its regulation that happened in the course of reforms in 1860-70s in mountain regions of the Northern Caucasus. Attention is paid to the issue of land ownership by village communities that first were granted the right to be the subject of property relations in the end of XIX century. It was the

period of time when the traditions of common law (adat) were substituted by the legal tools of regulations in the form of regulatory documents. Methodologically the research is based on dialectic materialistic analysis of historical events and facts that allowed to examine the process of institutionalisation of village communities in Northern Caucasian mountain societies during the liberal reforms of 1860-1870s. The author notices that a certain part of the adat norms was included in the national legal framework, and the introduced regulatory innovations had positive results. Demesrial legal reforms conducted by the government in the Northern Caucasus were of evolutionary nature, which allowed to avoid social upheaval and provided the stability of the «Muslim outskirts» of the empire.

Keywords: rural (aul) society, pasture, forests, subsoil, rent, common law, redistributions, use, property, assets.

Изучение истории социального уклада народов наглядно показывает, что его основой является система, регулирующая отношения, возникающие по поводу собственности на основные средства производства, в первую очередь — на землю. Данное обстоятельство, по сути, обуславливает и актуальность исследования вопроса об имущественных отношениях, в нашем случае — применительно к карачаево-балкарским горским обществам рассматриваемого периода. Последние на протяжении десятилетий являются объектом научного внимания нескольких поколений историков-кавказоведов, благодаря чему удается получить более-менее объективную картину социальной истории Карачая и Балкарии. В то же время в силу тех или иных причин остаются открытыми некоторые вопросы, важность которых нам представляется очевидной. Среди них: отсутствие точного представления о приоритетной роли тех или иных социально-правовых институтов в регуляции отношений собственности на землю; слабая освещенность темы удельного веса общественного имущества в имущественном комплексе рассматриваемых этнических обществ и т.д. Следствием этого является отсутствие твердых, убедительных оснований для получения полной характеристики социально-правового уклада карачаевцев и балкарцев в имперский период их истории.

В связи с вышеизложенным вытекает ряд задач, стоящих перед исследователем указанной темы и включающих в себя следующие элементы: определение формально-правового и фактического состояния дел в сфере регуляции пастбищных (основы скотоводческих народов) и лесных угодий, недр и других категорий природных ресурсов, на которых базировалось жизнеобеспечение горских обществ; выявление основных тенденций развития данной сферы; определение факторов, обуславливавших этот процесс. Предлагаемая статья не претендует на исчерпывающий характер в освещении всех этих тем, но, как представляется, может сыграть определенную роль в решении поставленных задач.

Касаясь изученности темы, следует отметить, что сам факт наличия в карачаево-балкарских об-

ществах разных видов аульной и общенародной собственности и в целом имущества, фиксируется многими дореволюционными авторами, такими как Н. С. Иваненков^[9], Б. А. Шаханов^[20], Г. Ф. Чурсин^[19] и др. Однако собственно научное исследование отмеченных выше вопросов, в строгом смысле этого понятия, мы бы связали с работами специалистов по социальной истории, в числе которых работы В. П. Невской^[15; 16] и Е. Г. Битовой^[4]. В них, опираясь на солидный корпус источников, исследовательницы обозначили общие тенденции, касающиеся, в первую очередь, вовлечения горских обществ в общероссийский капиталистический рынок. Интересные материалы и выводы имеются в работах М. Ч. Кучмезовой, которая признана одним из ведущих исследователей норм регуляции имущественных отношений балкарского обычного права^[14]. В то же время, необходимо отметить, что обобщающего труда (в целом по карачаевцам и балкарцам), исследующего отмеченные нами проблемы, к настоящему времени пока еще не существует.

По адату в Карачае лесные и пастбищные массивы, все неудобные земли находились в общественном владении^[15, с.199, 201, 205]. В балкарских обществах в общем пользовании также состояли «земли неудобные и пастбищные», тогда как пашни и сенокосы, «то есть, все земли культурные» находились в частной собственности^[20, с.148]. К общенародной собственности относились и недра^[11, с.171].

Изначально к общенародным пастбищам относились как высокогорные летние пастбища (*джайлык*), куда на 4–5 месяцев перегонялась основная масса поголовья скота всех аульных обществ, так и зимовники (*кышлык*). Последние позднее стали переходить в собственность отдельных хозяйств (семей), которые стали обустривать в этих местах стационарные коши (с жилыми и хозяйственными постройками), превращавшиеся иногда в небольшие хутора. Источники царской времени отмечают «право пользования отдельных членов Карачаевского общества участками разных угодий, под названием «кышлыков», эксплуатируемых ими на правах обычной собственности». Такие права фактически утвердили за собой «лица, именующие себя высшим

сословием», которые «фактически пользовались на правах сильного захватами участками под названием “кишлыки”» [13, с.292, 293]. Со стороны некоторых аульных обществ, например Учкулана, предпринимались попытки вернуть кишлыки в общенародную собственность, которая предлагалась к «распределению между сельскими обществами» [9, с.36–37]. Однако данные усилия оставались безуспешными.

На летних выпасах важно было строго придерживаться правила, согласно которому скот должен был находиться на пастбищном участке собственного аула. Хотя формального размежевания этих пастбищ между сельскими общинами Карачая не производилось, у горцев «выработался со временем определенный порядок пользования ими, обусловленный практическими соображениями». Неформальное разграничение участков летних выгонов между селениями позволяло избегать коллизий и, по словам современников, «никаких недоразумений» не было [21, с.51].

Право всего Карачаевского общества на летние выпасы было закреплено на официальном уровне. Дореволюционные авторы отмечали, что на пастбища плато Бийчесын «выгоняют скот и овец все карачаевцы» и, «начиная с июня по последние числа июля здесь все сплошь покрыто стадами животных». Обширность поголовья приводило к тому, что здесь поедался «весь корм до самого корня и, за невозможностью больше кормить, стада сгоняют в другие местности, находящиеся уже вне границ земель Карачая» [9, с.35].

Касааясь пастбищ, М. Кипиани (1884 г.) сообщал, что общая собственность всех 18-ти аулов Балкарского общества расположена в двух местах на правом берегу р. Хизны-кол и по р. Черку «на юг от места населения аулов» [2, с.31].

К общественным землям, по данным на 1867 г., относились: в Балкарском обществе — угодья в урочищах Штулу, Хазны, по р. Сукан-Су, поляны Сильпили и Алмалы, в Урусбиевском обществе — выгон аула Ишкумель. А что же касается трех остальных обществ Балкарии (Хуламского, Безенгиевского, Чегемского), то отмечено, что в них «общественной землей, свободной от всяких притязаний, являются только не весьма обильные растительностью пастбища и совершенно незначительные по величине и бесполезные по своему местному положению покосные места». Анализируя ситуацию в пользовании этими землями, М. Ч. Кучмезова приходит к выводу, что уже к началу XIX в. «фактическим собственником лучших и обширных угодий» уже к началу XIX в. стала балкарская знать. В целом исследовательница полагает, что сами адаты и архивные материалы сви-

детельствуют «о монопольном праве таубиев на землю, в том числе и на земли узденей» и считает, что до реформ в Балкарии «господствующей формой была феодальная земельная собственность, которая освящалась и защищалась обычным правом». Тем самым она разделяет мнение В. Миллера и М. Ковалевского, полагавших, что в Балкарии «княжеские роды не только правят всеми остальными семьями, но и являются по отношению к ним верховными собственниками занятой ими земли» [14, с.204–226]. Данный тезис означает, по сути, признание за князьями права главного субъекта коллективной собственности на общественную землю. С оговорками такую характеристику положения дел в дореформенной Балкарии, на наш взгляд, принять можно. Оговорки касаются политико-правового аспекта: реализация полномочий верховного собственника шла через традиционные, общинные институты власти (тёре, мехкеме) и на основе признанного за князем функций главы общины. Упразднение этих институтов и административных функций князей в ходе реформ, по сути, уничтожило и все права князей как верховных собственников.

Юридическое оформление общественных угодий было начато в период реформ, когда кавказская администрация подняла вопрос «касательно обеспечения сопредельных с Большой Кабардой горских обществ, Балкарского, Безенгиевского, Хуламского, Чегемского и Урусбиевского пастбищными землями». В декабре 1869 г. по решению Кавказского комитета за этими обществами были формально закреплены те же земли, «искони составлявшие их собственность». Но вслед за этим около 225 849 дес. и 59 666 дес. лесных угодий Кабарды и Балкарии были изъяты, по постановлению того же Кавказского комитета, в «запас» (в казну). Лишь в 1885 г. по распоряжению Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, эти «запасные земли» решено было распределить между жителями Кабарды и Балкарии [8, с.242].

На основании предписания царя от 21 мая 1889 г., командующий войсками Кавказского военного округа князь Дондуков-Корсаков 6 января 1890 г. утвердил «Правила пользования кабардинцами и пятью горскими обществами /Балкарии, — Е.Н./ предоставленными им пастбищными землями и лесными угодьями». Они касались «Высочайше дарованных» в постоянное пользование Кабарды и Балкарии угодий общей площадью 315,4 тыс. дес. на территории бывшего казенного Мало-Эшкаконского участка и «на плоскости по рр.Золке и Этоке». Земли эти были распределены по 10-ти группам селений, из которых пять включали аулы

Балкарского, Безенгиевского, Холамского, Чегемского и Урусбиевского обществ (им отводилось 33991 дес.), а селенья Хасаут (карачаевское) и Гунделен (балкарское) получили «особые пастбищные участки» (2697 и 5412 дес. соответственно). Было установлено, что жители этих селений пользуются отведенными им участками «на общинном праве» с правом сдавать излишек пастбищ в аренду по 10 коп. за десятину в год (п. II–III) [8, с.177–182]. По сути, данные Правила лишь оформили то, что существовало веками, когда балкарцы и кабардинцы одинаково пользовались указанными угодьями, находившимися некоторое время в казенной собственности.

За общинами сохранялось право пресекать попытки захвата общественных угодий. Так, в Карачае были снесены ограды, возведенные Рамазаном Бостановым, Теке Кубаевым, Байрамкуловым и др. [16, с.463].

К категории общественных земель относились аульные («юртовые») угодья, расположенные на территории селений ирригационные объекты, общественные постройки, мосты, дороги. Для строительства и ремонта указанных сооружений, обустройства аульных кладбищ каждая семья выделяла работников. На общественном содержании находилась деятельность служащих оросительных канав (*илипинчиле*). Распоряжение аульным имуществом осуществлялось аульным сходом (*эл джыйылыу*) и аульным советом-тёре, управление — аульным старостой (*эл тамада*). Ставропольский журналист и писатель Яков Абрамов в 1884 г. затрагивает вопросы пользования у балкарцев таким видом общественной собственности как оросительные каналы, имеющие «громадное значение для урожая», который путем орошения и постоянного удобрения доходит до сам-двадцать. Им отмечается, что «каждый член общества имеет право только в течение определенного времени пользоваться водою из общего канала для орошения своего поля» [1, с.321–323]. Таким образом, действовали строгие нормы пользования ирригационной системой.

С началом реформ администрация официально закрепила общинное землевладение и землепользование. 17 апреля 1867 г. главнокомандующий Кавказской армией и наместник царя на Кавказе великий князь Михаил Николаевич издал распоряжение «о наделе землею туземных племен Северного Кавказа на общинном праве» [9, с.41]. Согласно этого распоряжения, земли селений Нового Карачая были «предоставлены в общинное пользование» [13, с.241].

В пореформенный период стали меняться нормы землепользования. Была введена система *передела общинных земель*, которая, в традиционном обще-

стве горцев, судя по всему, существовала в горских адатах. В предании о первой династии князей Чегемского общества сообщается, что в ту пору «все население в равной мере участвовало во владении землею, которая была переделываемая между дворами в определенные сроки» [10, с.253]. Но в XIX столетии, как пишет Е. Г. Битова, горские общества Балкарии такой практики уже не знали [4, с.56]. Она возродилась в ходе реформ в годы правления Александра II. Право пользования общинными угодьями реализовывалось через систему переделов и жеребьевки. Причем, можно отметить, что сроки переделов в Карачае неуклонно увеличивались. Если в 1860–70-е гг. они проводились через 1–2 года, то в 1880-е — через 3 года, а в конце того же столетия — через 9 лет и более [15, с.463].

Стали устанавливаться договорные отношения между аульными обществами и частными лицами. Так, инженер-геолог А. Д. Кондратьев арендовал у Теберинского общества землю под смолокурный (скипидарный) завод, за что уплачивал арендную плату в общекарачаевскую казну. Тебердинское аульное общество в 1894 г. приняло два постановления, встретившие противодействие администрации Баталпашинского отдела. В одном из них выражалось несогласие с передачей арендных сумм в упомянутую казну, так как считалось, что земля, сданная в аренду, принадлежит исключительно Тебердинскому социуму и, соответственно, деньги должны поступать ему. В противном случае общество угрожало расторгнуть договор об аренде, предложив арендатору снести завод для передачи угодий под выгон для скота. Второе постановление отказывало известному просветителю Исламу Крымшамхалову в просьбе передать в аренду поляну рядом с его усадьбой для обустройства «образцового лесоводства и плодородства». В приказе атамана Баталпашинского отдела за № 238 от 8.09.1894 г. разъяснялось, что «ни одно сельское Карачаевское общество не имеет своих собственных отдельных юртовых земель» и «все земли и леса составляют общее достояние всего Карачая, а потому и доходы с них должны поступать только в общие Карачаевская суммы». Указывалось также на то, что «самолично Тебердинское общество не вправе предлагать Кондратьеву сносить завод», так как «право это принадлежит лишь всему Карачаю и то не иначе, как по решению суда, но не собственно властью». По тем же основаниям атаман отдела признал незаконным постановление относительно просьбы И. Крымшамхалова. В итоге, оба постановления были отменены, а старшина Тебердинского об-

щества Солтан Байчоров отстранен от должности и заменен Аубекиром Салпагаровым [5, а. 170, а. 56–59].

Впервые была введена *система регуляции поземельных отношений между народами*. Так, споры карачаевцев с абазинами и кабардинцами по проблеме пользования смежными земельными угодьями (пастбищами) побудили власти создать 4–24 сентября 1864 г. межобластную Временную посредническую комиссию «для окончательного разбора поземельных прав кабардинцев, карачаевцев и абазинцев и для могущего быть нового территориального разделения Кубанской и Терской областей сообразно истинным нуждам и потребностям этих племен». В её состав вошли подполковник Ильинский (председатель), члены: от Кубанской области — подполковник Аглинцев и штабс-капитан Фрейер, от Терской области — подполковник Золотарев, депутаты: от кабардинцев — подполковники Касаев и Анзоров, ротмистры Тамбиев и Каршев, от карачаевцев — штабс-ротмистр Крымшамхалов и поручик Бадра Крымшамхалов, от абазин — полковник Мамат-Гирей Лоов и прапорщик Шеремет. Речь шла о претензиях всех трех народностей на кордонные земли между реками Эшакон и Кума, однако комиссия пришла к выводу, что этими угодьями «в разное время, порознь и совместно пользовались, а частью и жили на них, разные племена без всяких определенных прав на обладания этими землями». Комиссия решила спорную территорию до решений правительства отставить «в ведении начальника Терской области», а границу между областями, установленную приказом по Кавказской армии от 20.04.1861 г. за № 171, оставить неизменной. Кроме того, за Терской областью остались и «все земли по правую сторону Кумы», которые находились в ведении пристава Верхне-Кубанского приставства (то есть, Карачая). Комиссия рекомендовала прирезать карачаевцам «до 50 тысяч десятин плоскостной земли», отказав им в праве на пользование земель между реками Эшкаконом и Кумой. Наместник Кавказа своим приказом от 17 апреля 1865 г. распорядился выделить карачаевцам (взамен находившихся в их арендном пользовании угодий между реками Эшкаконом и Кумой) 40 тыс. дес., которые были им переданы в 1868 г. в виде двух участков: 26 тыс. дес. — между реками Кума и Кубань, 14 тыс. — на левой стороне р. Теберды. Таким образом, территория Карачая увеличилась с 267,6 тыс. дес. (определенных прокламацией графа Евдокимова от 1862 г.) до 307,6 тыс. дес. Все ходатайства карачаевцев, сделанные в 1870–1882 гг. об отводе им земель из Кубанской и Терской областей. Ставропольской губернии, были отклонены [17, с. 173–174].

В ноябре 1889 г. вопрос о совместном пользовании Зольскими и Нагорными пастбищами, общественным лесом предгорной зоны был решен совместным съездом 148-ми доверенных Кабарды и Горским обществ, на котором были приняты соответствующие Правила. Последние в январе следующего года получили утверждения главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. Эти Правила утверждали принципы «равноправного распределения между аульными обществами кабардинцев и балкарцев пропорционально количеству дворов», детально регламентировали порядок пользования угодьями. В 1905 и 1912 гг. съездами доверенных были приняты и последующие правила пастбищного землепользования. Так как правила публиковались в Собрании узаконений и распоряжения правительства, то приобретали силу закона. Следовательно, совместные съезды доверенных можно рассматривать как законотворческий и законосовещательный орган [18, с. 243–244].

В пореформенное время *возникли новые виды общественного имущества*, появившиеся с утверждением новой фискальной системы, заменившей подати феодального порядка. В горских обществах были введены три рода денежных повинностей / налогов/: казенные (подымная подать, воинская повинность), сельские (на содержание «земских троек», на компенсацию жертвам краж и убийств), общественные (на содержание сельской администрации, аульного эфенди, милиционерам, глашатаю и др.; на ремонт дорог, мостов). Местные повинности в 1888 г. составили в обществах: Балкарском — 12,95 тыс. руб., Безенгиевском — 729,4 руб., Холамском — 1 009,5 руб., Чегемском — 2582,8 руб., Урусбиевском — 1889,6 руб., всего — более 19 тыс. руб. [8, с. 183]. К категории новых видов общественного имущества относились сформировавшиеся за счет налогов суммы аульных обществ, в частности *общественная казна*. Общекарачаевский казначей (находился в Учкулане) вел «Книгу на записку общекарачаевских денежных общественных сумм». В ней отражались расходы «по заключенным контрактам и по постановлениям комитета, состоящего из выборных от 10-ти карачаевских селений». В состав этого комитета, который руководствовался инструкцией, утвержденной отдельским атаманом, входило по 3 члена от аульных обществ Большого Карачая и по одному — от остальных. Решения комитета («кроме случаев уплаты денег по контрактам») утверждались атаманом отдела. Именно на средства общекарачаевской казны в 1890-е гг. содержались горский словесный суд, аптека, лесные объездчики, казначей (с окладом 300 руб. в год), фельдшер,

5 милиционеров, 8 почтово-конных троек (по одной — в Учкулане и Джегуте, 2 — в Индыше, 4 — в Хумаре), 5 курьеров, производился ремонт школ, Хумаринского крепления. Казна Карачая формировалась из получаемых арендных сумм, от лесных материалов из общекарачаевских лесов (напр., «продажи сухоподстойного леса»), займов и др. Казна сельского общества, находившаяся в руках аульного казначая, формировалась за счет выплат арендаторов «юртовой земли» аула, подати на содержание аульного правления — старшины, казначая, писаря (в а. Каменноостском — по 1 руб. «от бедного дыма и по 2 руб. с зажиточного»), сбора с поголовья скота (например, в а. Тебердинском: по 2 коп. с овцы и по 5 коп. от головы крупного рогатого скота и лошади; в а. Каменноостском: по 3 коп. — с овцы, по 5 коп. с головы крупного рогатого скота, по 10 коп. — с лошади) и др. Эти суммы тратились на общественные нужды — содержание общекарачаевской школы в Учкулане (1,5 руб. «с дыма»), выплаты за аренду казенных горных пастбищ и др. [12, с.80–89]. В разные годы суммы общекарачаевской казны менялись; например, в 1895 г. доходы составили 18,6 тыс. руб., расходы — 15,2 тыс. руб., в 1896 г. — 13,3 и 13,15, в 1897 г. — 12,7 и 12,5 соответственно. Комиссия по обследованию управления горцами Батаалпашинского отдела в 1898 г. констатировала, что «карачаевские селения вышли из прежней задолженности и удовлетворяли все свои потребности исключительно собственными доходами, не прибегая к разорительным для них займам» [7, а. 120, л. 4–72]. В состав аульного имущества входили администра-

тивные постройки, где размещались сельские правления с канцеляриями, школьные здания, противопожарные средства («пожарный обоз»), хлебные магазины (склады) [12, с.84–87, 90]

Таким образом, земельно-правовые реформы, осуществлявшиеся правительством в горской среде Северного Кавказа (Кубанская и Терская области), в целом носили эволюционный характер, что позволяло избегать социальных потрясений и обеспечивать стабильность «мусульманских окраин» империи. Определенная часть местных правовых норм (адатов) сравнительно безболезненно была включена в государственное правовое пространство, а вводимые нормативные инновации, по нашему мнению, шли на пользу основной массе населения. Отмена крепостного права и упразднение верховной собственности феодальной элиты на земли горских обществ обеспечила мало-мальски равные возможности в доступе к земельным ресурсам региона. Имперские власти провели своего рода национализацию общественных земель, часть из которых закрепили за сельскими (аульными) общинами и целыми горскими обществами (карачаевским, балкарскими), а другую — перевели в казенную собственность. Негативные моменты данных преобразований заключались, с одной стороны, в том, что они тормозили рыночные отношения в землепользовании (обороте земельных ресурсов), а с другой — вызывали дефицит пастбищных угодий, детерминируя, впоследствии, аграрные волнения и земельные коллизии, выходящие, впрочем, за рамки нашего исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрамов Я. В. Кавказские горцы // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа / Научный ред. Р. У. Туганов, сост. Х. М. Думанов. — Нальчик: ИЦ «Эль-Фа», 2001. — Т. 1. — С.321–323.
2. Балкария. Страна гор и ущелий. Этнос, экскурс, орография в текстах и фотодокументах. Сост. М. и В. Котляровы. Т. I. — Нальчик: Изд-во М. и В. Кот-ляровых, 2009. — 520 с.
3. Батчаев Аубекир. Карачай и карачаевцы // Кубанские областные ведомости. — Екатеринодар, 1914. — № 8, 11 января.
4. Битова Е. Г. Социальная история Балкарии XIX века: Сельская община. — Нальчик: Эльбрус, 1997. — 176 с.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 449. Оп. 2.
6. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2.
7. ГАКК. Ф. 454. Оп. 5.
8. Документы по истории Балкарии. 40–90 гг. XIX в. / Сост. Е. О. Крикунова. — Нальчик: Кабардино-Балкарское кн.издательство, 1959. — 262 с.
9. Иваненков Н. С. Карачаевцы (Доклад, прочитанный на общем собрании членов Общества любителей изучения Кубанской области 28 ноября 1908 г. // Известия Общества любителей истории Кубанской области. — Екатеринодар, 1912. — Вып. V. — С.25–91.
10. Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. — М., 1890. Т. 1. — 290 с.
11. Коркмазова Л. Б. Трансформация в условиях феодализации карачаевского общества общинных обычаев в интересах биев // Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX — начале XX века /

- Материалы Всероссийской научной конференции 24–26 сентября 2009 / Отв. ред. П. И. Магаяева. — Карачаевск, 2009. — С.171.
12. Кубанская справочная книжка. — Екатеринодар, 1894. — 628 с.
 13. Кубанский сборник. — Екатеринодар, 1910. Т. 15. С. 237–366.
 14. Кучмезова М. Ч. Земледелие и землепользование в Балкарии по обычному праву в XIX в. // Вестник Кабардино-Балкарского НИИ истории, языка и литературы. — Нальчик, 1972. — Вып. 6. — С. 204–226.
 15. Невская В. П. Карачай в XIX веке // Ас-Алан. Ежеквартальный мас-совый журнал. — М.: «Мир дому твоему», 2002. № 1(6). — С. 130–475.
 16. Невская В. П. Пореформенный период // Очерки истории Карачаево-Черкесии / Отв. ред. В. П. Невская, В. А. Романовский. — Ставрополь: Став-роп. кн.изд-во,1967. — С. 436–475.
 17. Орлов М. В. Возможна ли частная земельная собственность в Карачае // Известия общества любителей изучения Кубанской области. — Екатеринодар, 1902. — Вып. 3. — С. 167–197.
 18. Прасолов Д. Н. К вопросу о правовых функциях съезда доверенных Кабарды и горских обществ // Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX — начале XX века / Материалы Всероссийской научной конференции 24–26 сентября 2009 / Отв. ред. П. И. Магаяева. — Карачаевск, 2009. — С. 240–244.
 19. Чурсин Г. Ф. Поездка в Карачай // Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. — Тифлис, 1915. Т. XXIII. № 3. — С. 239–258.
 20. Шаханов Б. А. Избранная публицистика / Сост. Т. Ш. Биттирова. — Нальчик: Эльбрус, 1991. — 286 с.
 21. Шукин И. С. Материалы для изучения карачаевцев // Русский антропологический журнал. — СПб, 1913. № 1–2 (кн. 33–34). — С. 29–98.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Abramov Ya. V. Kavkazskie gortsy // Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza / Nauchnyi red. R. U. Tuganov, sost. Kh. M. Dumanov. — Nal'chik: ITs 'El'-Fa', 2001. — Т.1. — С.321–323.
2. Balkariya. Strana gor i ushelii. Etnos, ekskurs, orografiya v tekstakh i fotodokumentakh. Sost. M. i V. Kotlyarovy. Т. I. — Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kot-lyarovykh, 2009. — 520 s.
3. Batchaev Aubekir. Karachai i karachaevtsy // Kubanskiye oblastnyye vedo-mosti. — Ekaterinodar, 1914. — № 8, 11 yanvarya.
4. Bitova E. G. Sotsial'naya istoriya Balkarii XIX veka: Sel'skaya obshchina. — Nal'chik: El'brus, 1997. — 176 s.
5. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia (GAKK). F. 449. Op. 2.
6. GAKK. F. 454. Op. 2.
7. GAKK. F.454. Op. 5.
8. Dokumenty po istorii Balkarii. 40–90 gg. XIX v. / Sost. E. O. Kriku-nova. — Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe kn.izdatel'stvo,1959. — 262 s.
9. Ivanenkov N. S. Karachaevtsy (Doklad, pročitanniy na obshchem sobranii chlenov Obshchestva lyubitelei izucheniya Kubanskoi oblasti 28 noyabrya 1908 g. // Izvestiya Obshchestva lyubitelei istorii Kubanskoi oblasti. — Ekaterinodar, 1912. — Vyp.V. — S.25–91.
10. Kovalevskii M. Zakon i obychai na Kavkaze. — M., 1890. Т. 1. — 290 s.
11. Korkmazova L. B. Transformatsiya v usloviyakh feodalizatsii karachaev-skogo obshchestva obshchinnykh obychev v interesakh biev // Obychnoe pravo i pravo-voi plyuralizm na Kavkaze v XIX — nachale KhKh veka / Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii 24–26 sentyabrya 2009 / Отв. ред. P. I. Magayaeva. — Karacha-evsk, 2009. — S.171.
12. Kubanskaya spravochnaya knizhka. — Ekaterinodar, 1894. — 628 s.
13. Kubanskiy sbornik. — Ekaterinodar, 1910. Т. 15. С. 237–366.
14. Kuchmezova M. Ch. Zemledelie i zemlepol'zovanie v Balkarii po obychnomu pravu v XIX v. // Vestnik Kabardino-Balkarskogo NII istorii, yazyka i literatury. — Nal'chik, 1972. — Vyp. 6. — S. 204–226.
15. Nevskaya V. P. Karachai v XIX veke // As-Alan. Ezhekvertal'nyi mas-sovyi zhurnal. — M.: 'Mir domu tvoemu', 2002. № 1(6). — S. 130–475.
16. Nevskaya V. P. Poreformennyi period // Ocherki istorii Karachaevo-Cherkesii / Отв. ред. V. P. Nevskaya, V. A. Romanovskii. — Stavropol': Stav-rop.kn.izd-vo,1967. — S. 436–475.
17. Orlov M. V. Vozmozhna li chastnaya zemel'naya sobstvennost' v Karachae // Izvestiya obshchestva lyubitelei izucheniya Kubanskoi oblasti. — Ekaterinodar, 1902. — Vyp. 3. — S. 167–197.

18. Prasolov D. N. К вопросу о правовых функциях с'езда доверенных Кабарды и горских обществ // Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX — начале XX в. / Материалы Всероссийской научной конференции 24–26 сентября 2009 / Отв. ред. П. И. Магаяева. — Карачаевск, 2009. — С. 240–244.
19. Chursin G. F. Pоездka v Karachai // Izvestiya Kavkazskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. — Tiflis, 1915. Т. XXIII. № 3. — С. 239–258.
20. Shakhanov B. A. Izbrannaya publitsistika / Sost. T. Sh. Bittirova. — Nal'chik: El'brus, 1991. — 286 s.
21. Shchukin I. S. Materialy dlya izucheniya karachaevtsev // Russkii antropologicheskii zhurnal. — SPb, 1913. № 1–2 (kn. 33–34). — С. 29–98.